

Чэнь Шу взглянул на небо, потом посмотрел на него и Цинь Хуая, в его глазах тоже мелькнула нерешительность, губы слегка дрогнули, и лишь спустя некоторое время он смог выдать слова:

— Будьте осторожны в пути, не задерживайтесь в дороге, поскорее добирайтесь до Цзянью. И когда будете отвечать на вопросы, тоже не волнуйтесь. Если в груди есть знания — смело излагайте их на бумаге, надо уметь размышлять и осмеливаться думать.

— Да, ученик запомнил, — серьезно ответил Вэй Хо.

Чэнь Шу снова посмотрел на Цинь Хуая и наставительно произнес:

— Хотя ты и отличаешься от Вэй Хо, не сдаешь императорские экзамены, но поговорка «кто учится хорошо, тот и служить будет» верна. Нынешний двор ценит уровень учености, военное ставят выше гражданского. Если ты хочешь пойти другим путем, лучше всего тоже иметь что-то в голове. В учебных заведениях Цзянью есть немало экзаменов для простого народа, после сдачи присваивают ранги, выдают красные свидетельства об успехах, которые двор тоже признает. Если есть желание, можешь попробовать — возможно, пригодится.

Цинь Хуай сказал:

— Благодарю учителя за наставления.

— Время уже позднее, отправляйтесь в путь.

Попрощавшись с Чэнь Шу, Вэй Хо и Цинь Хуай должны были зайти еще в одно место.

— Подожди здесь немного, я с Хохо пойдем повидаться с родителями, — дойдя до окрестностей пустынного холма, Цинь Хуай обернулся и сказал Тань Чжэ.

— Угу, идите скорее, побыстрее возвращайтесь.

Подойдя к могилам супругов Цинь и глядя на серую каменную стелу, Вэй Хо почувствовал, как у него защемило в носу.

Он мягко опустился на колени перед стелой, вытащил из котомки белую бумагу с благовониями, достал, поделился с Цинь Хуаем и зажег огнивом.

Оба совершили три поклона, воткнули благовония в курильницу.

Вэй Хо, не отрывая взгляда от иероглифов на надгробии, произнес:

— Тетушка, дядя, я сдал провинциальный экзамен и с братом Ахуаем отправляюсь в столицу.

Цинь Хуай сказал:

— Отец, мать, я позабочусь о Хохо и о себе, так что вы на небесах можете быть спокойны.

Завершив подношение благовоний, они еще долго стояли перед надгробием, не в силах оторваться, и лишь затем, оглядываясь через каждые три шага, покинули это место.

На причале толпился народ, трое заплатили за переправу и получили место в каюте.

В каюте было много людей, температура внутри была выше, чем снаружи на корабле, только

вот запах, образовавшийся из смеси различных ароматов, был не очень приятным. Но в дороге бывает и так, троим пришлось терпеть.

Им предстояло провести на судне три дня, есть, пить, справлять нужду и спать — всё здесь же, особо негде было размять ноги.

Вэй Хо, кроме еды и сна, только читал книги и обсуждал с Тань Чжэ, Цинь Хуай изредка присоединялся к ним, а иногда просто закрывал глаза и отдыхал.

На третью ночь Вэй Хо не спалось, он поднялся с корабельного настила.

Переступив через беспорядочно лежащих в каюте людей, он вышел из нее и направился к носу корабля. Морской ветерок был слегка солоноватым, раздувал его одежды, заставляя их развеиваться и колыхаться на ветру.

Яркий полумесяц высоко висел в ночном небе, величественно роня искорки чистого сияния на поверхность реки. С волнами реки оно переливалось, словно рыба чешуя, или же кусочки прозрачного светящегося нефрита, плывущие по течению.

На реке тоже были другие торговые и пассажирские суда, огни рыбаков не угасали, переливаясь и перекликаясь с лунным светом.

Вэй Хо смотрел на север, где небо было черным, можно было разглядеть лишь очертания гор.

Сойдя с корабля и направившись дальше на север, можно было добраться до Цзянью.

Какой же он на самом деле, этот Цзянью? Каковы там обычаи и нравы? Действительно ли он так процветает, как говорят другие? Тысячи вопросов роились в его сердце, бесконечные ожидания переполняли его, он готов был обзавестись крыльями и взлететь, чтобы тут же оказаться над столицей и вдоволь насмотреться.

— Эй, это кто там?

Вэй Хо обернулся: к нему подошел помощник капитана, дежуривший на судне:

— Не спишь посреди ночи, что делаешь?

Вэй Хо ответил:

— Не спится, вышел посмотреть.

— Снаружи так холодно, давай заходи внутрь.

— Ладно.

Вернувшись снова в каюту, Вэй Хо, согретый ее душным воздухом, тоже почувствовал сонливость.

Он зевнул, собрался переступить через лежащих на полу людей, чтобы вернуться на свое место, но невзначай, краем глаза, при свете свечи, горевшей в углу, увидел, как один человек украдкой протянул руку и полез в котомку пожилой супружеской пары.

— Руки прочь! — громко крикнул Вэй Хо.

Все вокруг стали просыпаться, Вэй Хо похлопал по плечу того старика и, указав на того человека, сказал:

— Он только что воровал ваши вещи.

Тот человек как раз зажал в руке кошелек, но, испугавшись громкого окрика Вэй Хо, выронил его, и кошелек упал на палубу.

На глазах у всех вор, вне себя от злости и стыда, выхватил из-за пояса кинжал и рявкнул:

— Эти деньги мои, кто-то против?

Молодой парень рядом попытался было схватить его, но вор оказался обученным боевым искусствам, мгновенно уложил его на пол, другие тоже попытались помешать, но их тоже швырнули на палубу.

Все замолчали, не смея действовать опрометчиво, но Вэй Хо смело подошел, наклонился, чтобы поднять кошелек. Он словно не видел кинжала в руках противника, подставив все свои слабые места.

Когда вор занес кинжал для удара, люди рядом побоялись, что кровь забрызгает на три чи в округе, и сразу же прикрыли лица, закрыв глаза.

Послышался лишь звонкий звук — гуандан.

Кто-то взглянул сквозь пальцы и увидел, что кинжал упал на пол, а юноша схватил вора за запястье и сделал переворот.

— Ай-яй... больно... больно-больно... герой, пощади...

Цинь Хуай с холодным лицом не ослаблял хватку.

— Герой... отпусти... отпусти руку... я больше не посмею...

Вэй Хо поднял кошелек и протянул старику, тот непрерывно благодарил, дрожащими руками убрал кошелек, затем сложил ладони и поклонился Вэй Хо. Вэй Хо, конечно, смутился, поспешно сказав:

— Не стоит, старец, спокойно отдыхайте.

Вор от боли позеленел, выкрикивая любые мольбы о пощаде. Цинь Хуай продержал его так некоторое время, прежде чем отпустить, одновременно пнув кинжал в угол. Зная, что боевые навыки противника превосходят его собственные, вор не осмелился продолжать безобразничать. Даже если в душе он был недоволен, пришлось проглотить обиду вместе с выбитыми зубами, смириться и покорно лечь.

Оба вернулись и сели рядом со своими постелями. Тань Чжэ перевернулся и с восхищением произнес:

— Не ожидал, что брат Цинь так искусно владеет боевыми техниками.

Цинь Хуай еще не успел ответить, как Вэй Хо самодовольно подхватил:

— Конечно, он отлично умеет сражаться.

— Эй, а когда-нибудь научишь и меня парочке приемов? — Тань Чжэ с горячей надеждой посмотрел на Цинь Хуая. — Не буду сильно утруждать брата Циня, достаточно для самообороны.

Но Вэй Хо сказал:

— Парочка приемов, пожалуй, мало чем поможет. Даже если не владеешь боевыми искусствами, при встрече со слабым противником вряд ли погибнешь, а с сильным всё равно не справишься. Давай лучше спокойно останемся литераторами, сражающимися языком и кистью.

Тань Чжэ рассмеялся:

— Тоже верно, но всё же это может придать смелости. Только что в каюте было столько людей, но никто не осмелился вмешаться, я тоже. У него есть боевые навыки, а у меня нет, в такой ситуации вмешаться — значит только навредить.

Цинь Хуай сказал:

— Если правда хочешь научиться, после высадки научу.

— Отлично, спасибо брату Циню, хе-хе!

На следующий день, едва занялась заря, корабль причалил к берегу, и они прибыли в северный город Жэньюй.

Причал Жэньюя был невероятно переполнен, трое вместе с толпой сошли на берег и прошли некоторое расстояние, прежде чем наконец стало немного свободнее.

Вскоре они вошли в городские ворота, нашли чистую таверну, чтобы передохнуть и позавтракать.

Ближе к полудню трое снова отправились в путь. По дороге они шли с остановками, к вечеру находили постоянный двор для ночлега, и через десять дней, в сумерках, наконец увидели вдали городские ворота Цзянью.

Как у столицы, у Цзянью всего десять городских ворот, они подошли к главным — вратам Тянью.

Серые кирпичи городской стены лежали ровными рядами, строгие и торжественные. Двустворчатые массивные и прочные ворота были распахнуты настежь, вбирая ветер с четырех сторон, встречая гостей со всех восьми направлений, величественные и грандиозные.

На лицевой стороне стены вверху была вырезана имитация таблички, внутри выгравированы три больших иероглифа: Врата Тянью.

Вэй Хо поднял голову, провел взглядом по рядам серых кирпичей, как вдруг услышал, как Тань Чжэ рядом с ним с чувством произнес:

— Так вот они, Врата Тянью, какое величественное впечатление! Давно о них слышал, давно слышал, надо поклониться.

Вэй Хо и Цинь Хуай рассмеялись, задержались ненадолго, подали стражникам свои домашние реестры и визитные карточки, после проверки их пропустили в столицу.

Даже будучи новичками, они заранее подготовились и знали, что в Цзянью сто двенадцать кварталов-фан и тридцать две большие улицы.

Вэй Хо шел и по сторонам разглядывал местных столичных жителей, сновавших по улицам. По сравнению с людьми из деревень и поселков, их лица и одежда были более опрятными, осанка — более прямой.

Среди закусок и местных деликатесов, выставленных на лотках у дороги, половину трое никогда раньше не видели.

— Что это? — указал Вэй Хо на что-то в горшке.

Эта паста выглядела черной, он наклонился, чтобы понюхать — запах был довольно аппетитным.

Торговец улыбнулся:

— Это свежеприготовленная арбузная паста!

Вэй Хо удивился:

— Сейчас еще есть арбузы?

— Конечно есть! В Цзянью каких только овощей и фруктов нет! Сделана из свежей арбузной мякоти, гарантирую — вкусно! Вам немного?

Вэй Хо поспешно отказался: не то чтобы он не хотел, но, во-первых, они собирались жить в постоялом дворе, и там, наверное, негде будет есть, а во-вторых, они не были богаты, взяли с собой мало денег на дорогу, нужно экономить.

<http://bllate.org/book/15583/1387661>